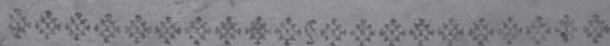

ДѢТСКАЯ
ФИЛОСОФІЯ,
или
ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ
РАЗГОВОРЫ

между
ОДНОЮ ГОСПОЖЕЮ И ЕЯ
ДѢТЬМИ,
сочиненные
для поснѣшествованія
ИСТИННОЙ ПОЛЗѢ
МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ.

напечатана при Императорскомъ Мо-
сковскомъ Университетѣ

1776 года.

А. Т. Болотов

ДЕТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Санкт-Петербург
2012

УДК 82
ББК 84 Р1
Б 79

Вступительная статья, подготовка текста, комментарии
Т. В. Артемьевой, М. И. Микешина

Болотов А. Т.

Б 79 Детская философия / Вступительная статья, подготовка текста, комментарии Т. В. Артемьевой, М. И. Микешина. СПб.: ИД «Петрополис», 2012. 854 с.

ISBN 978-5-9676-0482-9

We thank Helsinki Collegium for Advanced Studies for excellent working conditions provided for our researches.

Авторы благодарят также Коллегиум инновационных исследований университета Хельсинки (Helsinki Collegium for Advanced Studies) за предоставленные им великолепные условия научной работы.

© Т. В. Артемьева, статья, комментарии, 2012

© М. И. Микешин, статья, комментарии, 2012

ISBN 978-5-9676-0482-9

© ИД «Петрополис», 2012

Страсти души Андрея Болотова

Ларошфуко однажды заметил: «Философия торжествует над горестями прошлого и будущего, но горести настоящего торжествуют над философией»¹.

Вся мировая литература является иллюстрацией к этому горькому и точному замечанию. Вот, например, несчастная любовь. В борьбе с всепоглощающей страстью гибнут реальные люди и литературные герои — Тристан и Изольда, Элоиза и ее учитель философ Абельяр, Ромео и Джульетта, «новая» Элоиза — Юлия Жан-Жака Руссо, «русская Элоиза» — чувствительная крестьянка Лиза, «сентиментально» описанная Карамзиным, и, конечно, юный Вертер, покончивший с собой, не сумев перенести терзаний неразделенного чувства.

Страждущее человечество давно мечтает найти лекарство от душевных страданий, даже не подозревая, что рецепт его уже изготовлен и с успехом опробован одним российским мыслителем эпохи Просвещения.

Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833)² сделал философию путеводителем в мир спокойной, созерцательной и счастливой жизни и написал об этом несколько книг. Наиболее важные из них — сочинения под названием «Детская философия, или нравоучительные разговоры между одною госпожою и ее детьми, сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей» и «Путеводитель к истинному человеческому счастью, или опыт нравоучительных и отчасти философических разсуждений о благо-

---

¹ *Ларошфуко Франсуа де*. Максимы и моральные размышления. М.: Наука, 1993. С. 155.

² Имя А. Т. Болотова хорошо знакомо исследователям русской культуры XVIII — начала XIX вв. См.: *Щеблыгина И. В.* А. Т. Болотов: Гармония мира и души. М., 2003; *Newlin Th.* The Voice in the Garden: Andrei Bolotov and the Anxieties of Russian Pastoral. Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 2001; *Любченко О. Н.* Есть в Богородицке парк. Тула, 1984; *Бердышев А. П.* Андрей Тимофеевич Болотов — выдающийся деятель науки и культуры. 1738–1833. М.: Наука, 1988 и др. В данной статье внимание будет уделено главным образом философским взглядам А.Т. Болотова.

получии человеческой жизни и о средствах к приобретению онаго» — мы предлагаем современному читателю. Для специалистов в истории философии они станут важным источником исследования отечественной мысли, а для любителей — старинным рецептом, в котором можно почерпнуть забытые, но важные сведения.

Болотов — автор публикуемых текстов, вероятно, был единственным примером излечения от любви с помощью философии. Он описал этот случай в своих мемуарах «Жизнь и приключения Андрея Болотова: Описанные самим им для своих потомков».

Болотов познакомился с семейством своих дальних родственников и влюбился в их младшую дочь Пелагею Бакееву. Ему в то время было 25 лет. Девушка «лицом очень хороша, и рост имела прекрасный и пропорциональный, и фигуру представляла собою во всем прелестную, — но и жива, умна, приятна, ласкова и одарена всеми качествами, делающими девицу совершенною»,³ — пишет Болотов. И далее: «Вот, когда бы такую-то Бог послал мне невесту. Не желал бы я иметь лучшей. Ни в чем-то не нахожу я в ней ни малейшего несовершенства и недостатка! Какой ум!... Какая острота и пронизательность! Какое сведение обо всем! Как ласкова, скромна и приятна в обхождении и как прекрасна собою! Какая нежность и белизна тела, какой румянец, какие это глаза, какие взоры, какая воровская улыбка и какие прелести во всем!... Нельзя, кажется, быть совершеннее»⁴.

Однако увлечение не лишило молодого человека рассудительности. Девушка приходилась ему дальней родней, была младшей дочерью и по обычаю должна была выйти замуж после старшей сестры. Кроме того, ее жених не мог рассчитывать на значительное приданое. Однако даже не это казалось Болотову непреодолимым препятствием. Гораздо более опасной ему виделась возможность

---

³ Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова: Описанные самим им для своих потомков. 1738–1793 (далее — Жизнь и приключения Андрея Болотова). Т. II. СПб., 1871. Стб. 368.

⁴ Там же. Стб. 385. «Воровская» здесь означает «лукавая», «быстрая», «живая» (см.: Словарь русского языка XVIII века. Вып. 4 (Воздух — Выпись). Л.: Наука, 1988. С. 70–71).

утраты эмоциональной свободы. Ему хотелось самому контролировать свои чувства, а не следовать им слепо: «Господи! что это такое?.. Только и мыслей что об ней; только она, да она!.. Уж даровое⁵ ли, право, это?.. Уж не влюбился ли я в ее? И не любовь ли уже это шутить надо мною изволит?.. Чего доброго: прелестьям таким немудрено хоть кого заразить!.. Однако, я... я... я покорно благодарствую! Мне сего бы очень не хотелось. Пропади она, эта любовь и со всеми ее сладостями! Мне как можно надобно от нее остерегаться. Заразит, проклятая, так и сам себе не рад будешь»⁶. Последняя встреча развеяла все иллюзии. Девушка не разделяла интерес Болотова к жизни в деревне и откровенно демонстрировала отсутствие интереса, когда он показывал ей свою усадьбу, «к тому присовокуплялась и примеченная мною в ней отменная привязанность к московской суетной светской жизни и совершенный недостаток в таких склонностях, какие хотелось мне иметь в своей будущей подруге, то все сие, а при всем том и самый недостаток приданого и удерживал меня не только от сватовства, но даже и от объявления ей любви своей»⁷. Болотов хотел найти «товарища», равного себе по воспитанию, интересам и достатку, поэтому решил отказаться от этой партии, стараясь «употребить все, что только могла предписывать мне философия моя к преодолению страсти моей»⁸.

Сказано — сделано: «Не успел я сим образом сам о себе усумниться и воспринять некоторое подозрение, как при помышлении дорогою на досуге час от часу более о том, пришла мне на мысль вся прежняя моя философия и все правила ее, которым положил я следовать во все течение жизни моей. Я вспоминал все, что предписуется ею в таких случаях, и положил с того же часа начать преоборать страсть сию, употребляя к тому все предписуемые ею средства. И как главнейшим средством почиталось то, чтоб не давать мыслям о том возобновляться часто, но чтоб оные прогонять и пробудившиеся тотчас засыплять опять, то и практиковался я в том

---

⁵ Даровое — беда, напасть.

⁶ Жизнь и приключения Андрея Болотова. Т. II. Стб. 385.

⁷ Там же. Стб. 426.

⁸ Там же. Стб. 430.

во всю дорогу, и имел в том, как казалось, и успех довольно хороший»⁹. Конечно, это было непросто: «Не так легко и скоро можно было произвести в действо, как я сперва думал, а потребно было к тому все философическое искусство и наблюдение всех правил, предписываемых к тому ею. И не один раз принужден я бывал делать себе превеличайшее насилие и с слезами почти на глазах выгонять из головы лестныя и приятныя помышления и напоминания об ней, а производить, напротив того, противоположныя и такія, о которых известно было мне, что они всего скорее и удобнее силу страсти уменьшить и ее, наконец, совсем обессилить и засыпать могут. И могу сказать, что ни при котором случае я изящною Крузиевою философіею, а особливо его наукою телематологіею¹⁰ так много не воспользовался, как при сем. Она помогла мне всего более преодолеть в сей раз всю любовь свою и чрез немногіе дни успокоить себя почти совершенно»¹¹.

Христиан Август Крузий (Crusius, 1715–1775), немецкий философ и протестантский теолог, был одним из самых известных и противников популярной в XVIII веке рационалистической философии Христиана Вольфа (1679–1754). Уже одно это обстоятельство могло привлечь Болотова, прошедшего увлечение философией Вольфа и глубоко в этом увлечении раскаявшегося. Болотов полагал, что Вольф чересчур рационалистичен, и что это может войти в противоречие с верой: философия «вольфианская и хорошаго христианина превращала почти всегда в худого или паче в самого деиста и маловаера»¹². В своих мемуарах он признается, что чтение сочинений Вольфа носило прежде пропедевтический характер: «как скоро, по прочтении оной Вольфианской философии, сделался я способным к чтению и пониманию книг, содержащих в себе и самые важные и высокіе матеріи, и получив к такому чтению превеликую охоту, стал и доставать и выбирать к чтению более такіе»¹³. Вольф

---

⁹ Там же. Стб. 431.

¹⁰ Телематология — учение о воле и ее свободе.

¹¹ Жизнь и приключения Андрея Болотова. Т. I. СПб., 1870. Стб. 984.

¹² Там же.

¹³ Жизнь и приключения Андрея Болотова. Т. II. Стб. 60.

приохотил Болотова к чтению философских книг, но не научил в них разбираться, поэтому когда ему стали попадаться в руки «вольнодумческие и такие, которые мало помалу и совсем неприметным и нечувствительным образом, стали вперять в меня некоторые сумнительствы о истине всего откровения и христианского закона, и совращать меня с пути доброго»¹⁴, молодой человек оказался в сложной ситуации и «едва не сделался и сам совершенным деистом и вольнодумцем»¹⁵. Утрата веры была бы для Болотова духовной катастрофой, но он сумел предотвратить ее чтением теологических сочинений Крузия. Таким образом, Крузий спас Болотова не только от несчастной любви, но и от мировоззренческого кризиса.

Достоинством системы Вольфа была систематизация, строгая терминология, доказательность. Все это сделало его систему привлекательной для преподавания, недаром вольфианство изучалось в российских университетах и церковных школах фактически до конца XIX века. Крузий считал Вольфовскую систематику «иллюзорной», не был согласен с концепцией предустановленной гармонии, полагал, что Вольф вслед за Лейбницем не видит разницы между реальными связями и их отражением в логике понятий. Если Вольф полагает, что виды познания различаются по степени приближения к истине, причем самым совершенным является познание математическое, стоящее выше философского (знание причин явлений) и исторического (знание просто фактов), то Крузий считает, что философское и математическое познание различаются по объекту исследования. Предметом первого является реальное, предметом второго — мыслимое. Крузий также полагает, что природа Бога принципиально непознаваема¹⁶. Этот пункт должен был быть особенно важен для Болотова, так как именно включение Бога в контекст доказательного дискурса казалось ему несовместимым с верой.

---

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Жучков В. А.* Конструктивно-полагающая природа познания и понятие нравственного закона у Хр. А. Крузия // Из истории немецкой философии XVIII в. (Предклассический период). М., 1996.

Крузий говорит о том, что свобода является главной нравственной ценностью, а добродетель является залогом счастья. Этическое учение Крузия о воле и свободе, сформулированное в главе «Телематология» «Руководства к разумной жизни»¹⁷, произвели на Болотова настолько сильное впечатление, что он выучил эту главу наизусть¹⁸ и перевел на русский язык¹⁹.

Больше всего Болотов ценил философию за ее способность приносить душевное равновесие. Среди книг, оказавших на него сильное влияние, было «славное сочинение господина Гофмана о Спокойствии душевном»²⁰. Это сочинение было переведено на русский язык и выдержало несколько изданий, хотя не все смогли извлечь из него пользу²¹. Среди источников, сформировавших его взгляды, Болотов называет также сочинения Иоганна Георга Зульцера (1720–1779), Иоганна Яков Душа (1725–1787), Уильяма

---

¹⁷ *Crusius Ch. A. Anweisung vernünftig zu leben: darinnen nach Erklärung der Natur des menschlichen Willens der natürlichen Pflichten und allgemeinen Klugheitslehren im richtigen Zusammenhang vorgetragen werden* Leipzig 1744.

¹⁸ «Новую науку г. Крузия о воле человеческой, или Телематологию, для лучшего понятия и незабвения выучил даже от слова до слова наизусть» (Жизнь и приключения Андрея Болотова. Т. II. Стб. 57).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Стб. 896. Имеется в виду *Johann Adolf Hoffmann Zwey Bücher von der Zufriedenheit : nach den Gründen der Vernunft und des Glaubens.* Hamburg: Felginer & Bohn, 1742 (Иоанна Адольфа Гофмана О спокойстве и удовольствии человеческом / С немецкаго языка переведена г. Сергеем Волчковым. [М.]: Сенатская тип., у Ф. Гиппиуса, 1780).

²¹ В.И. Лукин писал своему собрату по писательскому цеху Б. Е. Ельчанинову: «Для того, что и ты при всех своих редких дарованиях, то есть при кротости, скромности и хладнокровии, иногда нетерпелив бываешь; не смотря на то, что, учася в К... прослушал ты неоднократно и бесплодно все части философии и, будучи между педантами, прочел раз пять-шесть, хотя и неохотно, Гофманово о спокойствии душ сочинение, редко оные успокоивающее» (Лукин В. И. Щепетильник // Русская комедия и комическая опера XVIII в. / Редакция текста, вступительная статья и комментарии П. Н. Беркова. М.; Л.: Искусство, 1950 [Электронный документ] http://az.lib.ru/l/lukin_w_i/text_0050.shtml. Проверено 08.08.2012).

Дерема (1657–1735), Джона Рэя (1627–1705), Бернарда Нивентайта (1654–1718), Джеймса Харвея (1714–1758), Иоганна Готтлиба Вальпургера (1690–1765), Иоганна Христиана Куно (1708–1783), Бартольда Генриха Брока (1680–1747), Ноэля-Антуана Плюше (1688–1761) и других. Болотов ориентировался преимущественно на немецких авторов, британских мыслителей он изучал в немецких переводах.

Задумав жениться, Болотов захотел приобщить к своим философским увлечениям свою супругу. Он видел в будущей спутнице жизни не только хранительницу семейного очага, но и «товарища», способного разделять его интересы. Для этого он задумал написать своеобразный «учебник»: «Мне хотелось, подражая некоторым образом госпоже де-Бомонт, изяснить таким же легким и удобопонятным образом для детей всю наиважнейшую часть метафизики или естественную богословию; а притом, все сочинение расположить так, чтоб оно могло послужить в пользу и будущей молодой жене моей»²². «Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одною госпожею и ея детьми, сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей» написано Болотовым под влиянием популярных философско-педагогических сочинений писательницы Мари Лепренс де Бомон (1711–1780), известной современному читателю, а скорее, зрителю, по неоднократно экранизированной сказке «Красавица и чудовище», по мотивам которой С. Т. Аксаковым был написан «Аленький цветочек». Лепренс де Бомон разработала особый метод объяснения детям религиозно-философских проблем. Она сочиняла в виде диалогов между девочками и их наставницами небольшие сценки, в которых в форме вопросов и ответов разъяснялись сложные и непонятные вопросы. Действующие лица обычно носят «говорящие» фамилии, которые переводились как Добронравова, Благоразумова, Искреннева, Остроумова, Уединенова, а также Вертопрахова, Неугомонова и т. п.

Ее сочинения — «Детское училище, или Разговоры благоразумной наставницы с ея воспитанницами», «Правила для общежития,

---

²² Жизнь и приключения Андрея Болотова. Т. II. Стб. 443.

или Наставление девицам, содержащее священную и светскую историю и географию», «Юношеское училище, или Нравоучительные разговоры между разумною учительницею и многими знатными ученицами», «Наставление молодым господам, вступающим в свет и брачные союзы: Служащее продолжением Юношескому училищу, где изъясняются должности как в разсуждении их самих, так и в разсуждении их детей», «Воспитание совершенное, или Сокращенная древняя история с показанием географических и хронологических мест», «Новый мантор, или Наставления отрокам как в вере и благонравии, так и в других полезных и свойственных возрасту их знаниях» — издавались и переиздавались в России десятки раз.

«Детская философия» написана в форме диалога между госпожой Ц** и ее детьми — Феонией четырнадцати лет и Клеоном тринадцати лет. Диалогическая форма дает возможность в наивных рассуждениях детей как бы разъяснять положения, сформулированные их воспитательницей, а с другой стороны, спровоцировать «вечные вопросы»: «Что такое мы? Откуда и отчего взялись? Где, в каких обстоятельствах и зачем живем, и что с нами вперед будет?» «Понятность» философского дискурса Болотова во многом объясняется образностью его текста, системой ярких и продуманных примеров. Он аллегоризирует и беллетризует изложение, насыщая его образами, доступными детскому пониманию, и почти не использует специальную терминологию.

Талант популяризатора соединяется у Болотова с оригинальностью исследователя, «систематичность» предполагает обладание эффективным методом. «Детская философия» предназначена дать полное представление о всех сферах знания. Однако задача, которую поставил Болотов в своем сочинении, отличалась от той, которую ставила Лепренс де Бомон, и выходила за пределы популярного изложения основ философских знаний и богословских представлений. Это гораздо более самостоятельное и творческое произведение, носящее, по замыслу автора, энциклопедический характер. Опубликовано не все произведение, а только первые две его части, посвященные проблемам метафизики и космологии. Части, оставшиеся в рукописи, обращены к естественнонаучным проблемам. Болотов полагал, что только разностороннее образование и, следовательно,

познание различных сторон мирового устройства может дать представление о цели и величии божественного замысла. Он пишет: «Какое бы понятие вы теперь о Боге и его свойствах и совершенствах не имели <...> но никогда вы не можете иметь совершенного и удостоверительного понятия о его премудрости, благодати и любви и прочих совершенствах, естли не будете знать физики»²³. Физиком Болотов, как и другие его современники, называл науку о познании мира, «в котором мы живем», — в отличие от богословия, которое изучает «тот свет». В этом смысле, «сия наука тесно сопряжена с натуральной богословиею... и может некоторым образом почтяться продолжением оной»²⁴. Болотов полагает, что знание не является самоцелью, оно необходимо для достижения благополучия. «Многие люди... весь свой век трудятся и стараются о распространении знания своего, а о употреблении в пользу приобретенных знаний своих совсем позабывают, следовательно скорлупу одну в орехе гложут, а ядра не замечают»²⁵. По его мнению, систему знания следует строить, исходя из ее полезности для человека, а то, «что человеку в жизнь свою знать надобно и что может служить к его благополучию можно включить в следующие три познания, а именно, во первых, чтобы знать Бога, во вторых, знать мир или свет, в третьих, наконец, чтобы знать человека или самих себя»²⁶.

В предисловии к «Детской философии» Болотов отмечает: «Познание Бога, мира и человека есть неоспоримо превосходнейшее, но вкупе и полезнейшее и нужнейшее познание из всех прочих познаний человеческих»²⁷.

Характерной чертой российских философов часто был аксиологический характер их эпистемологических построений. Они пола-

---

²³ Болотов А. Т. Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одною госпожею и ея детьми, сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей (далее — Детская философия). Наст. изд. С. 207.

²⁴ Там же. С. 208.

²⁵ Там же. С. 217.

²⁶ Там же. С. 215.

²⁷ Там же. С. 35.

гали, что цель познания — не в отыскании истины, а в достижении счастья. «Самая лучшая философия есть та, которая основывает должности человека на его счастье»²⁸, — отмечал Н. М. Карамзин. Так же и Болотов полагает, что познание мира необходимо человеку для понимания своего в нем места и «снискивании себе истинного благополучия»²⁹. В предисловии к «Путеводителю к истинному человеческому счастью» Болотов пишет о сознательном отказе от использования строго фиксированных понятий и философского категориального аппарата с тем, чтобы заменяя их символами, наглядными образами и аллегориями, можно было бы более эффективно, более «непосредственно» воздействовать даже на самого неподготовленного читателя, вовлекая и его в сферу философских размышлений. Целью познания является не осмысление истины, а достижения счастья, точнее, Истина и представляет собой путь к «благополучию человеческой жизни и средствах к приобретению одного». «Дело не в том состоит, — пишет Болотов, — чтобы знать все вещи в самую тонкость, но в том, чтобы знанием оным пользоваться»³⁰. Поэтому нужно писать как можно проще, ибо далеко не каждый сможет «понимать все сии философические истины, если бы я об них обыкновенными глубокого размышления и тонкого понятия требующими философическими словами говорил»³¹.

Познание самого себя не менее важно, чем познание мира. Болотов анализирует преимущества человека, понимающего цели и задачи, стоящие перед ним, и размышляющего о смысле собственной жизни:

Первая выгода и польза может проистекать вам от того то, что вы спознать самих себя и узнать что вы такое, и какую фигуру, вещь и тварь сочтаете собою в свете, можете наинужнейшим

---

²⁸ Карамзин Н. М. О любви к отечеству и народной гордости / Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 93.

²⁹ Болотов А. Т. Детская философия. С. 35.

³⁰ Болотов А. Т. Детская философия С. 217.

³¹ Он же. Путеводитель к истинному человеческому счастью, или Опыт нравоучительных и отчасти философических рассуждений о благополучии человеческой жизни и средствах к приобретению одного. Наст. изд. С. 351–847

образом чувствовать все сии бесчисленные преимущесва, какими одарены вы от Творца пред другими тварьми <...>

Вторую выгоду и пользу можете вы иметь от того, что узнаете вкупе и все недостатки с нынешним вашим существованием сопряженные, так же слабости, коими человеки в жизнь свою подвержены, и все несчастные следствия о того проистекавшие и вам величайший вред производящие, в состоянии будете живее чувствовать оные и всю необходимую надобность в стараниях о поправлении недостатков, и о преодолении слабостей оных, и тем к истинной своей пользе побуждаться.

Третья и величайшая **выгода** и польза может проистечь вам от того то, что вы спознакомившись короче со всем существом своим, а особенно с душой своей и всеми обстоятельствами до ней относящимися, а особенно узнают, чем и каким образом можно человеку все дурные и пагубные в себе стремительства, склонности, страсти и привычки уменьшать, угнетать и отчасти совсем истреблять, а добрые возбуждать и увеличивать <...>

Четвертую выгодою может почесться то, чтобы получив обо всем том нужные понятия в состоянии будете всю жизнь вашу и деяния располагать так, чтобы они с назначением своим были сообразны и могли быть угодны вашему создателю и удостоиться его благоволения и ждать особливой его к себе милости.

Пятая выгода и польза произойдет для вас от того что, что в состоянии будете удобнее и с меньшим для вас трудом и отягощением исполнять все должности, коими обязаны относительно к Богу, к самим себе и ко всем прочим вместе с вами на свете живущим людям, ибо вы будете знать как вам за всякое дело именно и с самого начала приниматься и как удобней и лучше производить оное в действо, чего множайшие люди совсем не зная, имеют от производства хороших дел великие и нередко непреборимые затруднения и от самого того всего реже их производят.

Шестую можете вы иметь от того ту **выгоду**, что пользуясь сим самопознанием можете вы уже здравее судить и о истинном благополучии и блаженстве, какое человек от нынешней жизни имеет и получить может, и не ослеплять себя ложными, и для искания сего не жертвовать всем своим временем и трудами: к доставлению же себе истинного, употреблять уже верные и истинные средства и чрез то великое делать оному поспешествование.

Наконец, **седьмая** и пред всеми наиважнейшая **выгода** от самопознания может быть для вас та, что она доставляя вам

множество разных житейских выгод покажет вам вкупе и вернейший путь к достижению бесценного блаженства и в будущей жизни, и будет вас побуждать к шестивою по оному для приобретения сего не гибнущего сокровища³².

В «Детской философии» Болотов показывает разные точки зрения на понимание природы Бога и пытается найти слова, в одинаковой степени далекие как от обыденного непонимания, так и чрезмерной усложненности. Один из героев — мальчик Клеон задает один и тот же вопрос о Боге своей бабушке Луцинде и ученому соседу Грамотееву. Вот какие ответы он получает:

Луцинда

<...> Уже Бога не знать! Но разве ты в церкви никогда не бывал?

Клеон

Я бывал, бабушка, в церкви, но его там не видывал <...>

Луцинда

И, глупенький! И образов ты не видел?

Клеон

Образа я видел, бабушка. Их у нас дома много. Но ведь это не Бог?

Луцинда

О дурачок!.. Это его святой лик, а пред ним ты и молишь <...> Бог, знать, таков и есть, каким пишется <...> Лучше не умничать, а молиться прилежнее Богу <...>³³

Грамотеев дает ответ и вовсе непонятный ребенку: «Бог есть существо не повинно³⁴ и вина всяческим, сиречь всемогущ, всемогущ и всякия вины и естества преестественен»³⁵. Только мать может

---

³² *Он же*. Утренники семидесяти-семилетняго старца, состоящая в советах и наставлениях своим внучатам. Книжка IV, содержащая в себе замечания о должностях человека к самому себе. В Дворянинове, 1815. (ОР РНБ Ф. 89. Болотовы 56. Л. 6–7 об).

³³ *Болотов А. Т.* Детская философия. С. 87.

³⁴ «Не повинно» — не имеющее причины. Слово «вина» в XVIII в. имело значение «причина».

³⁵ *Болотов А. Т.* Детская философия. С.105.

растолковать как православный Символ веры, так и метафизические смыслы понятия. Вот как она беседует о Боге со своими детьми:

Феона

О, матушка! Пожалуйста же нам скажите, что такое Бог и какой он.

Г. Ц**

Изволь, моя радость! Я расскажу вам все, сколько мы о нем знаем иди знать можем <...> Его совершенно узнать никакому человеку невозможно. Он чрезвычайно велик, а мы пред ним чрезвычайно малы, и разум нам к тому не достаточен, чтоб мы его. Так сказать, насквозь могли провидеть, или, как называется, мыслями своими его постигнуть, почему он и называется *непостижимым* <...> Надобно самому Богом разве быть, кто его совершенно, и так совершенно, как самого себя узнать хочет <...>. Однако <...> мы знаем уже много об нем и с нас, конечно, и того будет довольно <...> Богом называем мы то, отчего мы, отчего свет, и все что на свете есть, начало и бытие свое получило <...> Например: вы родились от меня, я от батюшки, батюшка от дедушки, дедушка от прадедушки, тот — от другого, сей от третьего, и так все шло по порядку, покуда до первого человека дойдем, от которого мы се произошли. Итак, мой свет, первый сей человек не сам же собою родился <...> а надобно *чему-нибудь* быть, кто б первого человека сделал <...> Так же и со всем светом. Прежде сего того не было. Откуда же все это взялось? Ведь не само же собою сделалось? А надобно *чему-нибудь* быть, от чего бы это все начало и бытие свое получило <...> Отчего все взялось и началось и есть Бог <...> Он сделал небо, он сделал землю, он сделал первого человека и все прочее, и потому называем мы его *Творцом* и *Зиждителем* <...>

Бог не человек, а он Дух <...> Дух такое нечто, чего я тебе описать и пересказать не могу, для того, что здесь на свете ничего такого видимого нет, чтобы на дух походило <...> Он не *вещество*, но *отменное* от всякого *вещество* <...> *Веществом* называется то, чего мы либо видеть, либо слышать, либо осязать можем, или другими чувствами ощущать, и всякая такая вещь называется *вещественная вещь* или *материя* <...>

Думать надобно потому, что она сама не *вещество*, но *дух*, а *дух* *духа* видеть может <...> А теперь пойдете дале и я скажу вам, во вторых, что это *дух* такая вещь, которая *жива*, а не так, как *вещественные вещи* <...> Бог не только *жив*. Но и *разум*

и *волю* имеет <...> Всякая бездушная и материальная вещь наиглавнейшее тем еще от духа отлична, что она ни мыслить, ни хотеть не может <...>

Итак, знайте, любезные дети, что Бог Дух *невидим, жив*, и имеет разум и волю и помните, что все сие называется и составляет *существо* Божеское <...> Это <...> Существо, которое мы Богом называем есть существо *всесовершеннейшее* <...> *Совершеннейшею* мы вещь называем тогда, когда она совсем хороша и в ней нет ничего худого и никакого недостатка нет <...> Таков есть Бог. Он имеет в себе все совершенства и доброты, какие только быть могут в наивысочайшем степени <...>³⁶

Болотов неслучайно перемежает глубокие рассуждения наивными замечаниями детей. Это квантует его философскую мысль, возводя ее от простого к сложному. Ему хватает смелости не прятаться за поэтикой метафизической терминологии, а поверять ее вопросам, которые стесняется задать интеллектуал, но которые являются насущными для всякого, постигающую премудрость философии.

Будучи совсем пожилым человеком и задумываясь о близкой смерти, Болотов пишет сочинение «О душах умерших людей»³⁷ (1823), где размышляет о «бессмертии душ наших», «состоянии, в котором выходят души из тел умирающих людей», «о последних временах света», «о новом мире и устройении оного». Размышлениям о смерти посвящены также рукописи, хранящиеся в Библиотеке Академии наук, — «Предполагаемые наугад происшествия на том свете...» (1823) и «Старик со внуком...» (1822)³⁸. Эти работы также написаны в форме диалога, но уже деда и внука. Здесь Болотов выдвигает ряд мировоззренческих гипотез, пытаясь осмыслить и выразить сверхъестественные сущности на языке обыденных понятий и представлений. По жанру эти размышления напоминают своеобразную «философско-теологическую утопию», ибо Болотов пытается представить «обыденную жизнь», повседневность в мире

---

³⁶ Там же. С. 98–104.

³⁷ Болотов А. Т. О душах умерших людей / Подготовка текстов, вступительная статья, комментарии Т. В. Артемьевой. СПб.: Алетейя, 2006.

³⁸ Указаниям на эти рукописи мы обязаны, Томасу Ньюлину, автору книги о Болотове. См.: *Newlin Th. The voice in the garden.*

трансцендентных явлений. Он пытается постичь, как будет выглядеть «жизнь после жизни» с точки зрения обычного человека, боящегося смерти и готовящегося к встрече с неизбежным.

Сочинения Болотова отличает высокая степень мотивации, сущности рассматриваемых проблем лично для него. Это делает их убедительными, эмоциональными и доказательными.

В 1769 г. Болотов задумывается над написанием книги, которая могла бы объяснить природу человеческих чувств. «Около сего времени получил я первоначальную мысль о написании систематической книги «О благополучии человеческой жизни», от которой мысли впоследствии времени и имел мой «Путеводитель» свое происхождение»³⁹, — пишет он в своих мемуарах. Особенно интенсивно он работал над ней в конце 1772 г., завершив ее в декабре. Книга писалась легко⁴⁰, так как являлась результатом многолетних раздумий над природой чувств, страстей и возможностью укротить их с помощью разума. Болотов неоднократно читал ее своим друзьям и детям, чтобы «образовать их умы и сердца и полагать основание к любви христианского закона и добродетельной жизни»⁴¹. Для Болотова высший смысл философии заключается не в постановке, обсуждении и даже разрешении проблемы, а в выработке четкого и ясного понимания правил жизни и пути достижения благополучия. «Словарь Академии российской» относит понятие «благополучие» к тому же синонимическому ряду, что «блаженство», «счастье», «совершенное удовольствие»⁴². Болотов справедливо замечает, что

---

³⁹ Жизнь и приключения Андрея Болотова. Т. II. Стб. 844.

⁴⁰ «В рассуждении сей книги особливого замечания достойно то, что произошла она на свет совсем нечаянным и ненарочным почти образом: не делано было мною к тому никаких предварительных приуготовлений и планов; не сочинено никаких эскизов; не помышляемо собственно нимало о том, какою ей и сколь великою быть. Но мне так в один день и не нарочно вздумалось написать что-нибудь о счастье, — я сел и намахал первое и начальное рассуждение» (Жизнь и приключения Андрея Болотова. Т. III. Ч. 15–21. СПб., 1872. Стб. 53).

⁴¹ Жизнь и приключения Андрея Болотова. Т. IV. Ч. 22–29. СПб., 1873. Стб. 111.

⁴² Словарь Академии российской. Ч. 1. А—Г. СПб., 1789. Стб. 214.

содержание таких понятий не очень понятно и не изучено: «Совершенно еще не исследовано, в чем бы собственно истинное благополучие состояло и какими точно способами или путями могло бы наиудобнее приобретаться быть»⁴³. Каждая философская система имела свой идеал совершенной жизни, свою терминологию и свои сверхзадачи. Это помешало философам прийти к общему мнению и затруднило выработку простых и ясных рекомендаций.

Болотов полагает покой, умиротворение, удовлетворение своим состоянием, благодарность Творцу за дар жизни легко достижимыми, нужно лишь понимать природу формирования страстей и научиться ими управлять. Все сочинение представляет собой развернутую метафору, поясняющую, как именно происходит превращение безобидного желания во всепоглощающую страсть: «Вот краткое аллегорическое уподобление тому, как душа наша сопряжена с телом. Все тело наше представляет корабль, руки, ноги и все прочие члены наружные, а внутренние наши части, внутренние машины. Нервы наши — струны, веревки и канаты, а душа — каюту»⁴⁴.

Этот «кают», или душа, является вместилищем как мыслей, так и «хотений и желаний». Болотов предлагает представить их в виде птичек и «зверков». И те, и другие принимают участие в управлении кораблем, причем именно мысли должны руководить желаниями, которые выполняют роль корабельных работников.

Что из себя представляет мышление? Это функция души. Ее единичные действия называются мыслями. Собрание различных мыслей об одном предмете называется «помышлением», а сравнение одних мыслей с другими — рассуждением. Внешние факторы и желания также имеют на процесс мышления большое влияние.

Болотов обсуждает взаимоотношение мыслей и желаний довольно подробно. «Кают», где они помещаются, является «душой» корабля, от сигналов, исходящих из него, зависит движение корабля в пространстве. Для этого обе душевные ипостаси должны

---

⁴³ Болотов А. Т. Путеводитель к истинному человеческому счастью. С. 356.

⁴⁴ Там же. С. 403.

быть в гармонии и совместно вырабатывать общую стратегию, основываясь на данных чувств. Органы чувств представлены в виде различных механизмов, которые поставляют «душе» информацию об окружающем мире.

Интересно, что в современной Болотову пневматологии обычно никогда не анализировалась собственно структура души. Главный философский вопрос сводился к доказательству ее бессмертия и попытке объяснения способа соединения с телом. Автор «Путеводителя» предполагает, что «в усмотрении неизвестной внутренности души нашей является такой же чудный или еще удивления достойнейший порядок, какой и во всех прочих в точности далеко нам непостижимых делах великого Создателя нашего видим»⁴⁵.

Болотов показывает, что взаимодействие мыслей и желаний имеет довольно сложный характер и вовсе не сводится к главенству мыслей:

Первое и примечания достойнейшее распоряжение состояло б в том, что не всему одному великому множеству птичек и зверков назначено производить свои действия вдруг, но только по некоторому не большему количеству оных разом с тем, чтоб они могли во всякое время сменяться другими. И когда сии действуют или, так сказать, работают, тогда б другие находились в таком состоянии, которое подобно сну. Чего ради и придана им способность засыпать и просыпаться... Второе распоряжение сделано такое, что для помянутого нужного действованиа машинами могут они из сна своего на смену другим разбужаемы быть разными образами. Во-первых, своими собратьями, то есть птичками и зверками, как, например, птички другими птицами, равно как и зверками, а зверки отчасти также зверками, но наиболее птичками. Во-вторых, действием машин, в корабле находящихся и принуждающих иногда весь кают к принужденному и не такому движению, какое бы было надобно, но к такому, какое для сохранения целости судна необходимо требуется. В-третьих, разными наружными вещами и предметами⁴⁶.

---

⁴⁵ Там же. С. 428.

⁴⁶ Там же. С.404.

Разумеется взаимоотношения мыслей (птичек) и желаний (зверков) не хаотичны и управляются высшими силами. Мыслями управляет память, рассудок и креативный ум («остроумие» или «изобретательная сила»). Болотов описывает принятие решения как сложный производственный процесс, совершаемый между руководящей тройцей и исполнителями:

Начальников над птичками, как выше уже упомянуто, немало. Главнейшие из нижних известны под именем памяти, рассудка и остроумия, или изобретательной силы, и всем им поручены разные должности. Первого из них можно уподобить равно как некакому нарядчику, который имеет в ведомстве своем тех птичек, которые не спят и бывают на работе, и может их удержать долее на работе или ушедших опять возвратить, также из спящих наряжать, какие на смену другим надобны, и прочее тому подобное.

Второго можно уподобить равно как старосте или адъютанту, и должность его весьма важная. Он должен узнавать и осматривать каждую на работу пришедшую птичку, отличать одну от другой, также учреждать порядки при работах и назначать каждой, что делать, и прочее многое.

Третьего можно уподобить прожектору, и он должен упражняться в выдумывании и изобретении лучших и способнейших средств к производству всех наружных дел корабля или помышлять о том, куда бы судну лучше плыть и как бы лучше и способнее и скорее какое дело в действо произвести можно было. В случающихся между птичками его лекциях или экзерцициях, известных под именем размышление и рассуждение, имеет он особое и великое участие⁴⁷.

Высшим руководителем «которого уподобить можно генералу или самому владетелю» является разум. Он господствует и над мыслями и над желаниями. Однако немногая часть мыслей ускользает из-под его просвещенного внимания. Это те мысли, которые непосредственно возбуждают чувства, или, в терминологии болотовской аллегории, «которые должность имеют разбужать тех звер-

---

⁴⁷ Там же. С. 406.

ков»⁴⁸. Желаниями руководит свобода (или «произвол»)⁴⁹. Следует отметить, что понятие «произвол» в XVIII в. было свободно от отрицательной коннотации и означало просто «выбор».

Наши желания всегда жаждут пищи, поэтому следует следить и за тем, чтобы они были сыты, но не перекормлены, иначе, они увеличатся в размерах и будут требовать все больше. Так, из желаний они превращаются в привычку и страсть. Но нельзя морить их голодом, ибо отсюда проистекают горести и печали. Впрочем, если человек хочет избавиться от какого-либо желания, то ему придется успокаивать и ограничивать свои желания, которые будут сначала требовать новой пищи, а потом уменьшатся в размерах и уснут.

На этом свойстве и основана идея Болотова о возможности управлять своими желаниями и чувствами и подчинять их разуму. Душевная работа должна быть направлена на желания, «звериная» сущность которых должна быть «укрощена», ведь эти «душевные зверки могут портиться или баловаться, то есть из хороших и добронравных делаться злонравными и негодными»⁵⁰, капризничать, бунтовать, стремиться к власти, даже порождать себе подобных.

Желания могут быть врожденными — «коренными» и производными от них. Коренные желания могут быть «человеческими», а могут быть «скотскими», Болотов также называет их «стремительствами». Коренных желаний всего три: стремление к совершенству, стремление к соединению с совершенными объектами («стремительство к соединению себя с таким предметами, в которых мы видим и примечаем совершенства или в них оным быть думаем»⁵¹) и «совестное» стремление.

Стремление к совершенству представляет собой любовь к себе и желание стать лучше. Это коренное желание имеет множество производных: стремление к познанию, чувствам, размышле-

---

⁴⁸ Там же. С. 407.

⁴⁹ «Сей начальник известен под именем свободности или произвола» (Там же).

⁵⁰ *Болотов А. Т.* Путеводитель к истинному человеческому счастью. С. 411.

⁵¹ Там же. С. 432.

нию, умозаключениям, выявлению причины вещей. Все это ведет к стремлению к познанию истины — «истиннолюбию». Искажение этого стремления порождает излишнее любопытство, суеверие и неверие. Истиннолюбие порождает ряд других желаний — стремление к совершенным формам («нам приятно, когда мы находим в чем истину или что-нибудь по правилам и порядочно расположенное, то происходит от того между прочим охота к разным увеселительным играм к стихотворству, музыке и тому подобное»⁵²); «желание поступать согласно с разумом, или все свои дела так располагать, как предписывает разум; никаких же нелепостей и здорных дел не делать»; «желание к совершенству нашего тела»; «желание к вольности как такого состояния, в котором во всех своих делах можно б нам было следовать своим рассудкам, а не распоряжать свои поступки по хотению других»⁵³.

Стремление к соединению с совершенными предметами, или любовное стремление вызывает к жизни желание любоваться прекрасными вещами, владеть ими, любить их.

Второе коренное желание, или любовное стремление, представляет собой стремление соединять себя с совершенными предметами: «Под сим стремительством разумеется вообще то общее и всем чело­векам свойственное от природы бескорыстное любление посторонних хороших и совершенства в себе имеющих вещей»⁵⁴. Стремление это может быть направлено как на реальные объекты, так и «умозрительные совершенства». Из него проистекает удовольствие, получаемое от красот природы, искусства, литературы. Стремление к нравственно совершенным и духовно богатым объектам порождает феномен привязанности и «чистейшей духовной любви». Эта любовь имеет иную природу, нежели родительская или «венерическая», и лежит в основе человеколюбия, или «любления всех человеков».

---

⁵² Там же. С. 431.

⁵³ Интересно, что, по мнению Болотова, желание к вольности порождает «желания к власти, богатству, дружеству и чести; а из сего, наконец, желание наружных признаков чести, например, славе, хвале, высоким чинам и достоинствам, рангам, титулам, комплементарам и прочее тому подобное» (Там же. С. 432).

⁵⁴ Там же. С. 432.

Третье человеческое коренное стремление — «стремление известное» носит принципиально иной характер. Совесть представляет собой оселок, на котором проверяется насколько дела и помышления согласуются с законом Божиим.

Животные, или «скотские», стороны нашей природы также порождают определенные стремительства. Сложно перечислить все множество витальных потребностей — они относятся к питанию, сохранению здоровья, продолжению рода. Следует отметить, что по силе воздействия они превосходят человеческие. Голод, жажда или «венерическая» любовь способны полностью подчинить себе человеческое поведение. Если же они соединяются с человеческими стремительствами, то усиливаются многократно.

Все стремительства имеют внушительную генеалогию, однако все их предки имеют двойное происхождение. Развивая свою аллегорию, Болотов сравнивает животные стремительства с корабельной командой, составляющей как бы часть судна, а человеческие — с пассажирами, которых берут на борт управители. Следует учесть, что «пассажиры» занимают господствующее положение, кроме того, они не зависят от корабля и могут продолжать свою деятельность и после его гибели. Душа бессмертна, а потому «кают», в котором они обитают, не может быть разрушен.

Вместе с тем, пребывание в составе корабля не проходит для «каюта» даром. Он может, например, быть приведен «в лучшее состояние». Этот процесс заканчивается с разрушением корабля. Также и душа — она совершенствуется, но только пока человек жив.

Желания, склонности и привычки не всегда способствуют человеческому совершенствованию. Они могут «производить беспорядки», воздействуя на разум и на волю. Все они разделяются на три «шайки»: «Во-первых, на такие, которых действия производят беспорядки между мыслями, во-вторых, такие, которые причиняют внутренние беспорядки и замешательства между желаниями, то есть в воле, в-третьих, кои и в разуме, и в воле совокупно делают замешательства»⁵⁵.

«Беспорядки» могут относиться и к разуму, это:

---

⁵⁵ Там же. С. 459.

1. Нежелание учиться и чрезмерное упование на собственный здравый смысл.

2. Склонность к предрассудкам, или вера в культурные мифы.

3. Невнимание.

4. Безосновательное любопытство и склонность к малозначимым деталям.

5. Суеверие.

6. Неверие.

К «худым склонностям воли» Болотов относит:

1. Нежелание действовать (лень).

2. Избегание неприятной физической активности (нега).

3. Чувственность, господство «скотских» желаний над человеческими.

4. «Отвращение или ненависть ко всяким обязанностям», включая обязательства религиозного характера.

5. Чрезмерное самолюбие.

6. Корыстолюбие.

7. Непостоянство.

8. Неустойчивость психики, то есть «жестокость пристрастий, или аффектов, и слишком великая способность к скорому и легкому воспалению в нас оных».

9. «Ужасное множество сбившихся с пути желаний, склонностей и стремительств», например, стремление к роскоши, торопливость, зависть, злорадство, свирепость, глумливость.

10. «Поврежденный нравственный или собственный душевной вкус».

11. Упрямство и своенравие.

Наиболее серьезными пороками Болотов считает честолюбие, сребролюбие и сластолюбие, или роскошь.

Болотов полагает, что телематология дает ему возможность не только уменьшить нравственное зло в мире, но и исправить человеческую натуру. Для этого следует бороться с порочными страстями, склонностями, привычками — «одолевать» их как с помощью Божией («посредственное одолевание»), так и самостоятельно («непосредственное одолевание»). «Посредственное одолевание» Болотов не разбирает, он оставляет это профессионалам: «Ибо пер-

вое, то есть посредственное, на большую часть есть таинственное, невидимое, от нас скрытое и принадлежащее к великим таинствам Христианского закона, следовательно, не мое дело входить в сию важную материю, но я должен оставлять то нашим пастырям и учителям»⁵⁶. Что касается второго — «непосредственного одолевания», то здесь придется поработать самому человеку.

Болотов возвращается к своей пространной аллегории. Он пишет:

Представьте, дорогой читатель, себе в мыслях, что душа человеческая представляла бы целую область зверков и птичек, находящуюся в превеликой и такой расстройке, какую я прежде имел случай изобразить. То есть чтоб она наполнена была внутренними мятежами и беспокойствами, и всякий бы час происходили в ней замешательства и беспорядки. Причиною тому было бы то, что по случаю пременялся порядок законного правительства, и что верховная власть природных и законных правителей похищена многими усилившимися бунтовщиками и злодеями, воюющими всегда между собой и приводящими всю область час от часу в худшее состояние, и что законные правители находились у них в порабощении и в неволе и принуждены бы были от части исполнять поведения оных, от части быть в без действия. Верховнейшим законным начальником или самым владельцем почтите разум, а произвол — его товарищем и соправителем. Прочие же хорошие склонности — их офицерами, находящимся с государем своим в таком же порабощении, а бунтовщиками и злодеями — наши страсти и худые склонности⁵⁷.

Таким образом, избавление от пороков и борьба за нравственность представлены Болотовым в виде военных действий, которые и нужно вести по всем правилам. Сначала нужно выяснить силы неприятеля, его сильные и слабые стороны, затем попытаться освободить силы разума и воли⁵⁸, чтобы продумать план

---

⁵⁶ Там же. С. 491.

⁵⁷ Там же. С. 493–494.

⁵⁸ Болотов называет волю «произволом». При изучении его текста следует обратить внимание на изменение коннотации этого понятия.

действий. При этом нужно привлечь на свою сторону как можно больше бунтовщиков. Следует избегать больших сражений, а стараться изматывать неприятеля небольшими вылазками и хитростями. Человек слаб и может не выдержать серьезной борьбы со страстями. Он должен научиться покорять их постепенно и последовательно.

Чтобы одержать победу, человек должен постараться понять своего врага, то есть самого себя. Нужно честно признаться, какие пороки, слабости, дурные привычки сдерживают его духовное развитие, а потом последовательно избавляться от них. Лучше записать свои недостатки и время от времени сверяться с этим реестром, выясняя, с какими из недостатков труднее всего справиться.

Болотов пишет:

Сделав реестр своим страстям и худым склонностям, приступайте к новому и весьма надобному делу, а именно, к исследованию, которые из них сильнее и которые не таковы сильны и слабее, дабы чрез то узнать, которые для вас более или менее опасны. О сем можете вы судить чрез напоминание опять тех дел, которые по побуждению оных вы производили, а именно, из того, часто ли или не часто вы оным следовали и мало ли или много могли им противиться? В состоянии ли вы были их преодолевать или не в состоянии? Одни ли бывшие поводы и случаи стремления оные в вас возбуждали или они без всяких бывших поводов в вас воспалялись и к делам принуждали и так далее. Ежели найдете, что которой-нибудь страсти вы часто следовали или следуете; ежели приметите, что вы не были тогда в своей уже власти и не могли себя преодолеть; ежели окажется, что они и без поводов в вас сами возбуждаются или воспалялись от самой безделице, то за верное кладите, что этот бунтовщик в вас очень силен и важен и достоин в особенности замечен быть, а по сему и о прочих рассуждайте и повторяйте как можно чаще и во всякое время таковое упражнение, которое вам после будет много пользоваться⁵⁹.

По сути, он предлагает каждому, вставшему на путь добродетели, завести своеобразный «франклиновский журнал».

---

⁵⁹ Там же. С. 515–516.

В «Автобиографии» Бенджамин Франклин пишет о своем смелом и трудном замысле достижения *морального совершенства*: «Я желал жить, никогда не совершая никаких ошибок, победить все, к чему могли меня толкнуть естественные склонности, привычки или общество»⁶⁰. Он так классифицирует качества, составляющих, по его мнению, 13 основных моральных добродетелей:

1. *Воздержание*. — Есть не до пресыщения, пить не до опьянения.

2. *Молчание*. — Говорить только то, что может принести пользу мне или другому; избегать пустых разговоров.

3. *Порядок*. — Держать все свои вещи на их местах; для каждого занятия иметь свое время.

4. *Решительность*. — Решаться выполнять то, что должно сделать; неукоснительно выполнять то, что решено.

5. *Бережливость*. — Тратить деньги только на то, что приносит благо мне или другим, то есть ничего не расточать.

6. *Трудолюбие*. — Не терять времени попусту; быть всегда занятым чем-либо полезным; отказываться от всех ненужных действий.

7. *Искренность*. — Не причинять вредного обмана, иметь чистые и справедливые мысли; в разговоре также придерживаться этого правила.

8. *Справедливость*. — Не причинять никому вреда; не совершать несправедливостей и не опускать добрых дел, которые входят в число твоих обязанностей.

9. *Умеренность*. — Избегать крайностей; сдерживать, на сколько ты считаешь это уместным, чувство обиды от несправедливостей.

10. *Чистота*. — Не допускать телесной нечистоты; соблюдать опрятность в одежде и в жилище.

11. *Спокойствие*. — Не волноваться по пустякам и по поводу обычных или неизбежных случаев.

---

⁶⁰ Жизнь Вениамина Франклина. Автобиография // Философский век. Альманах. Вып. 32. Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Ч. 2. СПб., 2006. С. 229 (см. также «Автобиографию» Франклина на <http://ideashistory.org.ru/files/a32.html>).

12. *Целомудрие*. — .....

13. *Скромность*. — Подражать Иисусу и Сократу⁶¹.

«Идеальный американец» не только сформулировал цели и задачи внутреннего совершенствования, но и наметил пути практической реализации этой задачи: «Я завел книжечку, в которой выделил для каждой добродетели по странице. Каждую страницу я разлиновал красными чернилами так, что получилось семь столбиков по числу дней недели; каждый столбик отмечался начальными буквами соответствующего дня недели. Затем я провел тринадцать горизонтальных линий и обозначил начало каждой строки первыми буквами названия одной из добродетелей. Таким образом, на каждой строке в соответствующем столбике я мог по надлежащей проверке отмечать маленькой черной точкой каждый случай нарушения соответствующей добродетели в течение того дня»⁶².

Такой же «Журнал ежедневных занятий», или «франклиновский журнал», вел и Л.Н. Толстой, высоко ценивший Франклина и предлагавший опубликовать сочинения мыслителя в специальных изданиях для простого народа⁶³.

Болотов, вероятно, не был знаком с сочинениями Франклина. Среди авторов, которых он упоминает, нет его имени. Кроме того, моральные сочинения американского мыслителя стали появляться в русских переводах несколько позже того времени, когда Болотов работал над своим текстом⁶⁴. Вместе с тем, желание упорядочить

---

⁶¹ Там же. С. 230.

⁶² Там же. С. 231.

⁶³ См.: *Кириченко О. А.* Образ Америки в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // *Философский век. Альманах. Вып. 31. Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения*. Ч. 1. СПб., 2006. С. 268–278 (см. также на <http://ideashistory.org.ru/files/a31.html>).

⁶⁴ Например: *Франклин Б.* Учение добродушного Рихарда. СПб.: Тип. Карла Шнора, 1784; Отрывок из записок Франклиновых: с присовокуплением краткаго описания его жизни и некоторых его сочинений / Перевел с французскаго А[ндрей] Т[ургенев]. М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1799.

сферу нравственных исканий, придать ей систематический характер было весьма характерно для эпохи Просвещения.

Болотов также предлагает внимательно следить за изменением своего нравственного состояния, стараясь находить опору не только в своих душевных силах, но и в хороших книгах, беседах, следовать положительным примерам. Он советует стараться избегать общества и должностей, которые возбуждают порочные стремительства, не читать книг, которые могут ввергнуть в соблазн. Он резюмирует свои наставления следующим образом:

1. Старайтесь прежде всего узнать, какие в вас худые склонности, страсти и привычки есть и более над вами господствуют.
2. Узнайте натуру и свойства страстей и все их выгоды и слабости.
3. Примите твердое намерение освободить разум и произвол ваш из-под ига и повелительства страстей.
4. Укрепите произвол приличными ему упражнениями.
5. Запаситесь мыслями, способными противоборствовать страстям и уничтожать их действия.
6. Увеличьте как можно более хороших склонностей, а особливо противных нашим страстям.
7. Не возбуждайте в себе самих худых стремительств.
8. Рассматривайте основание и предметы всякого худого желания и склонности беспристрастно.
9. Пользуйтесь слабостями страстей, а особливо продолжайте сон их убегаением случаев, к возбуждению оных способных.
10. Ловите первые минуты, когда страсти возбуждаются, и пользуйтесь оными.
11. Примите однажды прямое намерение противиться страстям.
12. Не поддавайтесь им при искушениях и противьтесь до последних сил.
13. От худых успехов не ослабевайте.
14. Призывайте Бога себе на вспоможение и без Него не начинайте своего исправления»⁶⁵.

---

⁶⁵ Болотов А.Т. Путеводитель к истинному человеческому счастью. С. 600.

Последний пункт Болотов считает принципиальным, полагая, что верующий человек всегда имеет перед своим душевным взором образец и цель к которой и устремляет свои усилия.

Болотов не претендует на создание законченной системы: «Я не писал в нем [в своем сочинении] всю цепь философической системы, а только пользовался одним звеном оной, да и то без всякой философических доказательств; потому что я писал не для философов, а для простых и не так много ученых людей, и имел предметом себе одно нравоучение»⁶⁶. Конечно, наш автор лукавит, ибо его аллегоризм не противоречит ни логике, ни систематичности. Он пишет пространно, может быть, даже излишне подробно, особенно для нас, «постигающих» «за 90 минут» и Канта, и Сократа, и Спинозу. Однако Болотов делает философские рассуждения живыми, яркими, эмоциональными. Он непревзойденный мастер языка, сочетающий устоявшуюся научную лексику с простонародными, но точными выражениями. И возможно, в эпоху переводов и пересказов, внимательное чтение текстов этого замечательного русского мыслителя обогатит современного читателя новыми идеями и новыми формами их выражения.

Т. В. Артемьева, М. И. Микешин

---

⁶⁶ Там же. С.

ДЕТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ,

или Нравоучительные разговоры между одною госпожою
и ее детьми, сочиненные для поспешествования истинной
пользе молодых людей

*Господи, устне мои отверзеши и уста моя возвестят
хвалу Твою.
Пс. 50:17*

Часть I

Предисловие

Познание Бога, мира и человека, есть неоспоримо превосходнейшее, но вкупе и полезнейшее и нужнейшее познание из всех прочих познаний человеческих. Ибо, что нужнее для нас, как знать того, кто бытию нашему причиною и уметь на следующие великие вопросы ответить: что такое мы? Откуда и от чего взялись? Где и при каких обстоятельствах и зачем живем, и что с нами впредь будет? И когда не совершенно все сие знать: так, по крайней мере, чтоб не быть в рассуждении сих пунктов, совсем не знающим, а иметь хотя некоторое о том правильное и по нужде уже достаточное понятие? Человек о том не мыслящий и помышлять никогда не хотящий, почти не достоин того, что он носил на себе сие имя.

Но каково неоспоримо сие, и каковы ни нужны сии познания для всех, таково ж неоспоримо и то, что сии познания для молодых не таких людей, которые начинают только входить во прямую жизнь и себя разуместь, несравненно еще нужнее и полезнее, для людей возраста совершенного и со светом довольно уже ознакомившихся. Кому неизвестно, коль великие выгоды может иметь человек, имеющий о том от самой юности своей ясные и правильные понятия, глубоко в уме своем впечатленные, а того величайшие, когда в жизнь войдет с исправленным в юности еще сердцем и с основывающимися на оном склонностями благородными и полезными, а не такими, как и ему вредны и всему обществу предосудительны, основывающим всего чаще на невежестве и неправильных о сих вещах понятиях. Не великое ли облегчение имеет чрез то такой человек в снискивании себе истинного благополучия, и не всего ли чаще от таковых для всего общества проистекают великие пользы.

А когда сие справедливо, то могут ли когда-нибудь излишними и ненадобными почестся все такого рода сочинения, которые молодым и часто всего меньше о сих вещах знающим и приличным к тому наукам обучаться случая не имеющим людям, могли б служить некоторым руководством к сим столь нужным познаниям, а вкупе к удобнейшему исправлению сердец их? Сколько бы их

не было, но всегда они не будут излишними, бесполезными и ненужными. Вещей касающихся до того так много, все они так нужны и способны к совмещению понятий об них, так многообразны, что никогда о том довольно говорено быть не может

Вот обстоятельство, которое побудило меня, по мере сил, знания и возможности моей поспешествовать с сей стороны общей пользе, и предложением сего небольшого труда приумножить количество имеющихся уже в свете сего рода сочинений. Я не знаю и всего меньше могу знать, достигну ли я до цели моего желанья, а знаю только, что за великое бы себе счастье, и наилучшим награждением моего труда почел, если бы мог принести им хоть малому числу моих юных сограждан существенную пользу, а из прочих хотя бы несколько сделать оным угождение

И как самое сие было наиглавнейшею целию желаний и трудов моих, то издавая сей небольшой и первый опыт нравоучительных моих сочинений: и прошу всех тех, кои возраст и разум уже зрелый и совершенной имеют, не принимать сего предприятия моего на свой счет, и не подумать, чтоб я сим сочинением своим собственно их учить отважился. О нет! Таковую смелость взять для многих причин был не в состоянии. Обстоятельства, что и долг знания моего того не требует, и недостаток знания и потребного к тому искусства, о котором я довольно сам в себе сведом, того мне не дозволяет, и бессомненность, что им все нужное и без меня довольно и предовольно известно, и что они не имеют нужды в возобновлении таковых наставлений, тем паче, что для них в рассуждении самих сих пунктов уже и без меня слишком много писано и говорено было в свете, и несравненно лучшими и такими людьми, которым я едва ли в ученики могу годиться, одним словом, все сие и множество других причин и обстоятельств, могли уже удержать меня от такой дерзости и принудить посвятить сей труд свой единственно детям, или таким молодым людям, кои от детства недалеко еще удалены. Почему несправедливо поступят те, кои насильно приняв нравоучение мое на свой счет, меня за оное яко взявшегося не за свое дело, обвинять похотят.

Но как самые сии дети, сии будущие заниматели наших мест в свете, которым нас совокупными силами помогать сама натура

обязует, не иному кому как им, а между прочим и самым таким принадлежать, которые в помянутых познаниях уже совершены, и кои в пользе или вреде, могущем произойти детям их от чтения книг, им в руки попадающимся наичувствительнейшее соучастие получать могут: то за необходимую должность почел я дать им в сем предприятии короткий отчет, и в коротких словах предуведомить их как о всем намерении моем, так и о том, чего они в сем знакомом еще им сочинении искать, и чего не искать не могут

Я начну с последнего, и смело могу всем родителям сказать, что они книжку сию детям своим без всякой опасности в руки давать и читать их допускать могут. Нет в ней ничего такого, чтобы могло их повредить или сделать худшими. Нет в ней ни малейшего, ни иного, ни потаенного и сахаром для удобнейшего поглощения облепленного повредить их могущего яда. Не заразятся они от чтения ее никакими опасными и вредными мыслями. Не на поится сердце их не чувствительно предосудительными склонностями и тому подобное. Одним словом, буде не можно будет им никакой пользы получить: то по крайней мере не получают они ни малейшего вреда и не сделаются худшими. С сей стороны могут родители быть совершенно безопасны

Что же касается до того, что в ней хорошего есть и какую пользу дети их от ней получить могут: то на сие не могу я никак отвечать, ибо о том не мне, а самим им судить, и буде есть, что хорошее, примечать следует. А для меня было бы слишком глупо, не только похвалить свою работу, но и быть твердо уверенным в том, что о ней что-нибудь в особенности хорошее было: но я скорее и чистосердечно могу признаться, что в ней ничего такого нет, но что напротив того вся множеством погрешностей наполнена, от которых мне всего труднее было избавиться, когда сочинения и самых лучших и ученых сочинителей от погрешностей редко освобождены бывают. Почему не то скажу, что в ней действительно есть, а то, чего желал я, чтобы в ней было и к чему я ее назначал, дабы читатель сам мог видеть, сколь мало я еще в том успел и не находя далеко всего того, мог в справедливости моего признания удостовериться

Мне хотелось, чтобы дети посредством чтения находящимся в сем сочинении простых и самых детских разговоров, нечувстви-

тельно могли получить, о самонужнейших к сведению вещах, короткие, но koliko можно яснейшие и такие понятия, с которыми иные могли бы не всегда оставаться и ими одними по нужде довольствоваться, а другие и любопытнейшие получили бы охоту к дальнейшему распространению своих знаний, и к основательнейшему обучению тех высоких наук, из которых здесь нужнейшие и доказанные истины, без всяких тонких и глубокомысленных философических исследований и доказательств, равно как одни цветки для лучшего и удобнейшего понятия предлагаемы были. Нужнейшими к сведению вещами почитаю я упомянутые выше сего главные познания и вопросы, и намерение мое состояло в том, чтобы стараться, сколько можно, наичувствительнейшим образом, во-первых: верить в детей лучшие и совершеннейшие понятия о Боге и его бесконечных свойствах и совершенствах, нежели каковые имеют обыкновенно взрослые дети и тем неприметно приучить сердца благонравных детей к лучшему сего великого существа почтению, и к нему любви и страху и через то положить твердейшее основание к дальнейшим учениям. Во-вторых: познакомить их, сколько можно ближе, и притом с лучшей и приятнейшей стороны с устройением и распоряжением мира и всех находящемся в оном известных вещей и связью между оными, на тот конец, чтобы они нечувствительно научились примечать из учреждения всех вещей бесконечную премудрость Божескую и его попечение о созданиях, и через то побуждены были к вящему его почтению и к любопытству узнать далее натуру, дабы потом в состоянии они были в жизни своей пользоваться тем приятным и преполезным искусством, которое известно под именем увеселения красотою и порядком природы, и в состоянии человеку приносить великие выгоды. В третьих: познакомить их, сколько можно, с собственным своим существом, то есть: самих с собою, дабы они по крайней мере хотя некоторое понятие имели о том, что они такое, как устроены, в каких обстоятельствах находятся, что им о теле, что о душе своей, и действия ее сил, склонностей и желаний думать и знать надобно, и каким наудобнейшим образом им самим собою владеть и себя ко всему доброму приучать, а от всего худого отучать, и чрез то истинному своему благополучию поспешествовать можно. В четвертых, по-

дать им правильные понятия о нашей жизни, о должностях которыми мы Богу, к самим себе и к другим людям обязаны, и о том, что им вообще в жизнь свою делать и чего не делать следовало бы. А, наконец, научить их иметь правильные понятия о благополучии, и о тех средствах, которыми они оному со своей стороны поспешествовать могут: и всем тем, сколько, можно, руководствовать и к исправлению разума и сердец их.

Вот весь план желания моего и его предметы, о которых хотелось бы мне наиглавнейшее говорить в сем сочинении. Признаюсь, что он велик и обширен, ибо всякой легко может усмотреть, что для достижения всего того, что для достижения всего того при-нуждено уже не только входить во всю связь всей философической и некоторых других наук, и извлекать из всех обширных ее частей, а особливо из физики и морали все нужнейшие и приличные к тому истины, но буде хотеть, чтоб могла произойти от того детям какая-нибудь польза: то снисходить к детским умам и сообразуясь с оными, говорить так просто, предлагать все так коротко, так ясно и располагать все материи и перемены оными, таким образом, чтоб они детьми были, сколько можно, понятны, а паче всего не скучны, но приятны и любопытны, и таковы, чтоб они в детях не отвращение к себе могли произнести, но охоту к дальнейшему познанию вещей им нужных. И как ко всему тому не только знание всех оных наук, но особливая способность и искусство потребно, то все те ни мало не погрешат, кои усумнятся в том, что сия моих к тому было достаточно. Ибо, что касается до сего пункта, то я сам не обинуясь признаюсь, что я более желаю, чтоб такая полезная для взрослых детей книга, в свете кем-нибудь лучшим и способнейшим меня была сочинена, нежели уповаю и надеюсь, чтоб собственно моих сил к тому довольно достаточно было, и чтоб я таковою их снабдить был в состоянии. По которой причине не отваживаюсь не только сие обещать, но и вдруг отяготить публику длиннейшим сочинением, предлагаю только небольшой и такой опыт, о котором учинено одно почти начало и пройдена одна только материя, карающаяся до натурального познания Бога, как первого наиглавнейшего и наинужнейшего из помянутых познаний, да и к тому приступить в таком только намерении отважился, что если угоден будет сей опыт,

ежели он удостоится благосклонности публики, когда он не излишним признается и бесполезным и хотя несколько к тому полезным: то продолжу труды мои и с охотою приступлю к дальнейшему посвящению малых моих способностей пользе общества. Когда же воспоследует тому противное, то умолкну и не отважусь отягощать далее тем, что ей не угодно, но оставлю то другим меня способнейшим. Что та учинит, тем будет способнее, что сама сия книга так расположена, что в сем случае может тем и кончиться и не иметь нужды в продолжении.

Для самого сего и не отваживаюсь я ни мало просить публику о благосклонном принятии сего малого труда моего. Достоин будет он того, то не сомневаюсь, что последует сие само собою, а не достоин, то было бы глупо и не стыдно просить об удостоении того благосклонности, что он оно не достоин. Нет сие предам на произвол оной. А утруждаю оную одною такою только просьбою, которую не обвиняюсь могу утруждать оную, а именно: чтоб мне благосклонно отпустить все погрешности, которые в сей книге окажутся и самое мое предприятие, есть ли оно будет не угодно, и отпустить для того, что я к нему иным чем, как одним усердием к общей пользе побужден был.

РАЗГОВОР I МЕЖДУ ГОСПОЖОЮ Ц** И ЕЕ ДЕТЬМИ ФЕОНОЮ И КЛЕОНОМ

ФЕОНА (приехав из гостей от госпожи Доримены вместе с братом своим Клеоном)

Здравствуйте матушка! Отпустите нам, что мы у тетушки ночевали, и вчера по приказанию вашему домой не возвратились. К ней третьего дня госпожа Бетида из города приехала, а с ней была и учительница ее, а для них не отпустила и нас тетушка и приказала вас просить, чтобы вы за то на нас и на нее не прогневались. она обещала и сестриц у нас ночевать дозволить, когда она к нам придет

Г. Ц**

Поэтому тетка была вам очень рада, Однако я думаю, что вы более для резвостей, нежели по теткиной просьбе ночевать у ней остались.